

Василий Токарев
Магнитогорск

СТАЛИН И ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ:
ЛИМИТИРОВАННЫЙ ДИАЛОГ (1940)

1 сентября 1939 г. нацистская Германия напала на Польшу. В соответствии с условиями советско-германского секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. в Кремле было принято решение о подготовке военной акции против Польши. 17 сентября части Красной Армии вторглись в Польшу и заняли восточные воеводства. Вмешательство Советского Союза в европейские события привело к тому, что миллионы этнических поляков — граждан Польской республики оказались в советской сфере влияния. Вчерашних польских граждан, попавших осенью 1939 г. под советскую оккупацию, продолжали волновать проблемы своего государственного бытия. «Зачистки» опергруппами НКВД и особыми отделами Красной Армии восточных воеводств осенью 1939 г. и последующие массовые депортации «антисоветского элемента» вглубь СССР вызовут, с одной стороны, разочарование и недоумение среди поляков левой ориентации. С другой стороны, будет в значительной мере подорвано влияние подполья среди польского населения, которое пыталось адаптироваться к новым условиям. Ради сохранения польской государственности некоторая часть поляков готова была согласиться на будущее переустройство Польши по советскому образцу. Поляки, лояльно или же нейтрально воспринявшие советские перемены, ожидали от сталинского руководства большего, нежели сохранения польской культуры и реализации продекларированных прав на труд, образование: «[...] лозунг Советской Польши, данный хотя бы как постулат для дальнейшего пути, является необходимым для революционной и филосоветской польской интеллигенции. Молчать об этом нельзя, т.к. это означало бы отказ от всего, чем живут польские массы»¹. Выразителем идеи «революционной Польши» суждено было стать польской писательнице Ванде Василевской (1905–1964), которую

¹ РГАЛИ. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 303. Л. 1.

Никита Хрущев не без основания назвал самой яркой фигурой среди просоветски настроенных поляков².

Ванда Василевская родилась в семье этнографа и социалиста Леона Василевского, который был близок некогда к Юзефу Пилсудскому³. После восстания польского государства Василевский некоторое время занимал пост министра иностранных дел, за что персонально удостоится в СССР ярлыка «социал-предателя». Привязанность дочери к отцу и матери, которая, кстати, служила связной в легионах Пилсудского, не уберегла семью Василевских от классического конфликта «отцов» и «детей». Польская действительность периода «санации», все более расхоdivшаяся с демократическими ценностями, шаг за шагом уводила молодую Василевскую в стан политических противников Пилсудского и его наследников. Она участвует во всепольской забастовке учителей, в первомайских демонстрациях, идет на сотрудничество с компартией Польши и МОПРОм. Свой литературный дар Василевская полностью приложила к той общественной борьбе, в которую она сознательно вступила. Её публицистика и книги *Облик дня*, *Родина*, *Земля в ярме* и *Пламя на болотах* были переполнены картинами человеческих страданий. Среди польских интеллектуалов Василевская не была маргиналом, в одиночку сочувствующим «униженным и оскорбленным». Ей были близки традиции польских демократов, лозунги о равенстве и братстве, правда, пропитанные социалистическими идеалами. Парадокс заключается в том, что живи Ванда Василевская в веке XIX, и гневно изобличай своим творчеством тяготы жизни рядовых поляков при русском царе или в Пруссии, стремление поляков к справедливому мироустройству, она, несомненно, заслужила бы репутацию народной совести, оказалась бы одним из символов страдающей и борющейся за свое возрождение Польши. Однако в первой трети XX века польское общественное мнение было менее строгим судьёй социальных и политических пороков. Гораздо более важным казался сам факт существования польской государственности, выстраданной целыми поколениями...

Очень скоро Ванда Василевская была замечена в Советском Союзе. В 1935 г. уполномоченный Всесоюзного общества культурных связей в Польше Борис Николаев был проинформирован московскими чиновниками о желательности завязать отношения с рядом польских деятелей культуры, включая Ванду Василевскую, а также составить на них политическую характеристику⁴. По линии ВОКСа Василевскую приглашали посетить Советский Союз, однако польские власти каждый раз отказывали ей в визе (Советский Союз не был исключением — Василевская не была также допущена на Конгресс мира

² Н. С. Хрущев: *Время. Люди. Власть*. Т. 1. Москва 1999, с. 240.

³ L. Wasilewski: *Józef Piłsudski: jakim do znamem*. Warszawa 1935.

⁴ *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. Т. 6. Москва 1969, с. 286.

в Брюсселе, на съезд писателей в Праге, на съезд Лиги борьбы с антисемитизмом в Париже).

В середине и во второй половине 30-х гг. репортажи и произведения Ванды Василевской — полностью или фрагментарно — публикуются в советском журнале «Интернациональная литература», в еженедельнике «За рубежом», союзных и республиканских газетах («Правда», «Известия», «Совхозная газета», «Рабочая Москва», «Рабочий» (Минск), «Советская Белоруссия», «Советская Украина»), выходят отдельными изданиями. В 1935 г. в СССР появляется полный вариант книги *Облик дня*. В следующем году — роман *Родина*. Первые книги Василевской были встречены благожелательно, их хвалили, однако, с оговорками. В трех центральных изданиях Советского Союза (в журнале «Октябрь», в «Книжных новостях» и в своеобразном рекомендательном справочнике *Что читать*) появляются отклики советских поляков Я. Старки, С. Людкевича, Я. Секерской и Б. Навроцкого, посвященные романам Василевской. Большинство соотечественников Василевской, памятуя о том, что, писательница была «воспитана в социал-соглашательских традициях» и познала бремя «лживых исторических польских легенд о “национальном согласии”», судило о творчестве Василевской и о ней самой несколько высокомерно. Её укоряли за недостаточный классовый и политический анализ польской действительности, за искажение образа революции, за погрешности стиля. Подчёркнуто благожелательную позицию по отношению к Василевской заняла редакция центрального теоретического журнала правящей партии «Большевик». В отделе «Критики и библиографии» в нём была помещена перегруженная цитатами рецензия М. Зарецкого на роман *Облик дня*. В рецензии обосновывалась незаурядная творческая и политическая репутация Василевской. Она была названа молодой талантливой писательницей, чья книга показывает «действительную Польшу, Польшу разоренных и обнищавших масс». *Облик дня* горячо рекомендовался рецензентом советскому читателю и особенно советской молодежи с незамысловатой утилитарной целью: подобные книги «напоминают о вчерашнем дне трудящихся нашей страны и помогают уяснить величие победы социализма в нашем отечестве»⁵.

Разумеется, имя Василевской не было столь популярно среди советских читателей и критиков, как имена Барбюса, Драйзера, Фейхтвангера или Роллана, что подтверждалось относительно скромными тиражами её книг в СССР. Произведения Василевской особо не выделялись в многочисленном ряду европейских и американских писателей, критически относившихся к буржуазному обществу.

Осенью 1939 г. книги и литературные образы, созданные Вандой Василевской, были в срочном порядке взяты на вооружение советской пропагандой. Поэт Николай Васильев, оттолкнувшись от метафоры Василевской, писал

⁵ М. Зарецкий: *Польша, как она есть*. «Большевик» 1936, № 9, с. 93, 95, 96.

в дни советского вторжения: «Солнце счастья перешло границу // Задыхавшейся в ярме земли»⁶. В многочисленных советских газетах и журналах перепечатаются отрывки из произведений Василевской. По радиостанции «Коминтерн» передают главы из романа *Земля в ярме*. Председатель Комитета по делам кинематографии Иван Большаков объявляет о намерении экранизировать книгу Ванды Василевской *Земля в ярме*. Журнал «Пропагандист и агитатор РККА» рекомендует использовать книги Василевской для разъяснения событий на западной границе⁷, а «Литературная газета» убеждает, что роман *Землю в ярме* должен прочитать каждый. Как отмечали современники, в библиотеках на книги Василевской был повышенный спрос, и они буквально не сходили с рук читателей. Вместе со сводками советского командования о боевых действиях в Польше на политинформации вслух читали отрывки из *Земли в ярме* и, по свидетельству современников, слушатели плакали, растроганные бедами польских крестьян. В одной из своих статей литератор Яков Эйдельман писал по поводу *Земли в ярме*: «Картины дантова *Ада* не мрачнее той действительности, которую показывает книга, рисующая бесправие и нищету народных масс, унижение человеческого достоинства, подлое и циничное хозяйничанье озверелых рабовладельцев»⁸. Читатели «Комсомольской правды», ознакомившись с отрывком из романа *Земля в ярме*, который был перепечатан газетой под названием *Гибель Стефана Зелинского*, уверовали в оправданность возмездия: «Теперь панам Красная Армия за Стефана покажет!»⁹. Тем временем из восточных воеводств поступали корреспонденции советских журналистов, которые собственные впечатления соизмеряли со страницами книг Василевской. Произведения Василевской были удобным критерием для сопоставления «панского» прошлого и обещаемого советского процветания. Фабрично-заводским и районным газетам рекомендовалось использовать отрывки из романов Василевской для того, чтобы подчеркнуть «начало счастливой жизни в Западной Украине и Западной Белоруссии». Советская будущность и настоящее преподносились как отрицание той трагической действительности, которую живописала Василевская. Совсем не случайно режиссер В. Лоншаков и оператор В. Цеслюк свой документальный фильм, приуроченный к годовщине советской власти в западных областях Белоруссии, назовут *Земля без ярма*.

7 сентября 1939 г. накануне появления германских танков на окраинах Варшавы Ванда Василевская и её муж — профсоюзный лидер краковских строителей Марьян Богатко — покинули польскую столицу и пешком двинулись на восток. В районе Хелма Василевская встретила советские войска. Вместе

⁶ Н. Васильев: *В том краю*. «Московский большевик» 1939, 20 сентября.

⁷ «Пропагандист и агитатор РККА» 1939, № 20 [форзац].

⁸ Я. Эйдельман: *Освобожденная земля*. «Московский большевик» 1939, 22 сентября.

⁹ М. Голованов: *На звеньевом сборе*. «Пионерская правда» 1939, 20 ноября.

с красноармейцами она дошла до Ковеля. 8 октября 1939 г. Василевская отправила письмо в Москву на имя директора Госиздата Петра Чагина:

Госиздат.

Москва

После 600 километров пеших скитаний я пришла из Варшавы в Ковель и нахожусь совсем без средств. Ссылаясь на переводы моих книг, часть гонорара за которые я получила через полпредство в Варшаве, прошу сообщить можете ли Вы мне помочь.

С совершенным уважением.

Wanda Wasilewska

Ванда Василевская¹⁰.

Не дождавшись ответа, Василевская при помощи одного из армейских политработников была отправлена поездом во Львов. Появление Василевской не прошло незамеченным, и в заинтересованных кругах информация о ней стала новостью дня. Ленинградский писатель Александр Смолян вспоминал, как председатель Временного управления Белостока Владимир Гайсин рассказал ему, что среди потока беженцев найдена известная польская писательница Ванда Василевская: «Знаете такую? Читали? Так вот, нашли ее, говорят, совершенно изнемогающую, с израненными ногами, потерявшую где-то в толпе ребенка». По словам тогдашнего корреспондента киевской газеты «Комуніст» Семена Жураховича, Василевскую застали в небольшом отеле вместе с Марьяном Богатко. Она была в пошарпанной одежде и в разодранной обуви¹¹. Почти все мемуаристы запомнили её поношенный гуцульский колушок (а, по словам Виктора Шкловского, «короткую белую шубу») и неказистую обувь — то ли стоптанные башмаки, то ли солдатские ботинки. Именно в таком виде, голодная и оборванная, она впервые появилась во львовской гостинице «Жорж», которая была занята высокопоставленными советскими постояльцами. В последующие месяцы Василевская не торопилась поправить свой внешний вид, и в таком несколько нелепом одеянии отправиться в свою первую поездку по СССР: «Писательница Василевская была одета уж слишком «по-простецки» — умышленно, как нам тогда показалось. — Вспоминал харьковский писатель Юрий Смолич. — На ногах у нее были тяжеленные мужские «спортивные» бутсы на подковках, а одежда — неопределенного покроя и цвета суконная юбка и какая-то дикого фасона красная клетчатая кофта. В таких красных кофтах — намеренно уродливых — я видел когда-то, еще до революции, курсисток-суфражисток»¹².

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Д. 116. Л. 1.

¹¹ С. Журахович: *На крутізні буремного часу*. В кн.: *Подум яна Ванда. Спогади, есе, статті*. Київ 1985, с. 88.

¹² Ю. К. Смолич: *Рассказ о непокое. Страницы воспоминаний об украинской литературной жизни минувших лет*. Москва 1971, с. 509.

По собственному почину Василевская искала контактов с новой властью, укоренявшейся в восточных воеводствах. Это было осознанный выбор, не потребовавший от неё какой-либо интеллектуальной или нравственной подготовки. Чувства, которые руководили Василевской осенью 1939 г., киевский поэт Микола Бажан обозначил как гнев и ненависть. Ненависть польской патриотки к нацистской Германии, и гневное отношение польского гражданина к правительству, предавшему, по её мнению, Польшу. Темперамент продиктовал категоричные ответы на вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». Ответственность за катастрофу была возложена ею на те политические силы, которые в мирные годы не могли совладать с безработицей, однако мастерски расправлялись с демонстрантами, практиковали пацификации и игнорировали положение национальных меньшинств, открыли концентрационный лагерь в Березе-Картуской и т.п. На советский манер Василевская назвала прежнюю форму власти «фашистским гнетом». Согласно Василевской, «польские фашисты-пилсудчики» являлись виновниками, если не соавторами военной катастрофы. Еще до нацистской агрессии, чтобы дистанцироваться от них, Василевская сформулировала в своих произведениях, особенно в романе *Родина*, мировоззренческий принцип *подлинной* родины. В её представлении существовало «две Польши» — шляхетская и трудовая. Именно с последней она связывала подлинную родину. Судьбы «обеих Польш» в сентябре 1939 г. выглядели, с одной стороны, как панический распад Польши несправедливости, насилия и гнета. С другой стороны, трудовая Польша в полной мере испытала ужасы войны. В контексте угрозы уничтожения подлинной родины Василевская рассматривала подлинный смысл вмешательства СССР в события польско-германской войны. Красная Армия, как ей представлялось, спасла частицу родины от истребления. Таким образом, действия Советского Союза полностью оправдывались и облагораживались. Конечно, такая интерпретация не была случайной. Писательница априори и безмерно идеализировала советскую систему. Также необходимо учитывать романтическую антропософию Василевской, которая возвышала социалистического человека и, как следствие, оправдывала все его деяния. Идеализация советской системы и романтическая антропософия выводили внешнюю политику СССР из-под критики и, таким образом, Василевская находила для себя необходимую опору на будущее.

Ответ на вопрос «что делать», также был для Василевской очевиден. Продолжать борьбу за *подлинную* трудовую Польшу. Предпочитая самые *крайние* решения, она делала ставку на Советский Союз и его вооруженные силы. Задолго до войны вступив в конфликт с режимом санации, в вину которому она поставила военное поражение Польши, теперь она искала союза со сталинским режимом, с которым связывала свои надежды на освобождение польского народа от фашистской оккупации. Вариант с западными демократиями,

пассивно наблюдавшими в сентябре за агонией польской армии, котировался Василевской низко, если вообще учитывался. Позднее Василевская обосновала свой стратегический выбор в пьесе *Бартош Гловацкий* (1940), которая была адресована именно польскому читателю и зрителю. На примере хлопа Бартоша, мужественно сражавшегося в 1794 г. в армии Костюшки¹³, потом предательски отданного единокровным помещиком в австрийскую армию, и отказавшегося в 1809 г. воевать в наполеоновских легионах Домбровского за освобождение родины, Василевская предупредила об опасности рецидива — бесполезности усилий тех польских патриотов, которые жертвуют собой к выгоде исторически обреченных сил и корыстных союзников. Аналогия между наполеоновскими войнами и второй «империалистической» войной была прозрачной. Писательница скептически относилась к продолжению борьбы под эгидой Франции и Великобритании.

В гостинице «Жорж» состоялось знакомство Василевской с именитым советским драматургом Александром Корнейчуком. «Она говорила быстро, по-польски, нервно сжимала папиросу, — вспоминал Корнейчук первую встречу с писательницей. — Я вначале ничего не мог разобрать и попросил говорить медленнее. Тогда я понял. Передо мной стояла Ванда Василевская»¹⁴. Она сообщила Корнейчуку о своей готовности сотрудничать с советской администрацией. «Я не эмигрантка, а пришла на родину пролетариата» — очертила свою позицию Василевская, которая не мыслила себя в стороне от тех политических процессов, которые разворачивались в восточных воеводствах. С этого дня Василевская подключается к кампании по советизации восточных воеводств. На время Корнейчук и Бажан стали посредниками между Василевской и украинским руководством. Голос Василевской звучал на собраниях и митингах, её статьи часто появлялись в центральной и республиканской прессе. Киевская газета «Комуніст» поместила на своих страницах фотоснимок, на котором улыбающиеся Ванда Василевская и Марьян Богатко получали бюллетени для голосования за кандидатов в депутаты в Народное собрание. Как свидетельствует Хрущев, он был заинтригован личностью Василевской, однако до поры проявлял настороженность. Этим объясняется тот факт, что Василевская, несмотря на свою активность, не была избрана в Народное собрание Западной Украины. В качестве журналиста она наблюдала за его работой и верила искренне, что от решений Народного собрания кардинально изменится к лучшему народная жизнь. Почти в состоянии эйфории она попадает в составе западно-украинской делегации на октябрьские торжества в Киев. Военный парад и демонстрации киевлян заставили Василевскую

¹³ В пьесе *Бартош* (1940) Василевская в качестве врагов повстанцев называет «казаков», «ихних чиновников», «чужих», «царских слуг», «москалей», но никогда напрямую Россию и русских.

¹⁴ А. Корнейчук: *Встречи (Из записной книжки писателя)*. «Правда» 1940, 17 сентября.

плакать от радости: «Для нас, видящих эти земли впервые, с непреодолимой силой бросается в глаза, что СССР счастлив»¹⁵.

В декабре 1939 г. усилиями Наркоминдела СССР во Львов из Варшавы вывезли одиннадцатилетнюю дочь писательницы Эву (после сентябрьской разлуки с матерью она несколько месяцев жила у бабушки на Жолибоже). Каким-то таинственным образом из оккупированной польской столицы Василевской доставляют часть литературного архива писательницы (повесть *Трое против города* и другие рукописи). Позже Василевская упоминала о том, что ее друзья смогли вынести из опечатанной немцами типографии рукопись романа *Пламени на болотах*, который был посвящен теме социального и национального гнета в предвоенной Польше. Более весомым становится общественный статус Василевской. В феврале 1940 г. Ванду Василевскую в обойме львовской интеллигенции (Кирилл Студинский, Марьян Панчишин и Петр Франко) выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В день выборов газеты «Правда» и «Известия» помещают очерки, посвященные польской писательнице. Москвичка Татьяна Тэсс, чередуя сентиментальные и патетические мазки, нарисовала довольно точный портрет Василевской:

У неё лицо крупное, строгое, очерченное смело и сильно. Все значительно в нем и чисто. Возле глаз лежит усталость. Эти чуть углубленные глаза, казалось, видели слишком много. Она напоминает кого-то, всматриваешься и вдруг ощущаешь: такими были наши революционерки, та же чистота и решительность облика, тот же ожог большого пламени, долгой и трудной судьбы¹⁶.

Прозаик Александр Авдеенко, чье скорое «грехопадение» совпадет по времени с возведением Василевской на пьедестал почёта, писал:

Всякий, кто видел и слышал Ванду Василевскую, никогда не забудет ее страстных слов, ее облика — живого воплощения растоптанного горя и воскресшей, возрожденной радости человека, перешагнувшего границу тьмы и света¹⁷.

Результаты выборов были предсказуемы. 26 марта 1940 г. Василевской вручили депутатское удостоверение. Тем же днем скорым поездом она и другие депутаты выехали из Львова в Москву на сессию Верховного Совета СССР.

Пока советские рецензенты и литературоведы заново примерялись к творчеству польской писательницы, многочисленные статьи Василевской были замечены Сталиным и, как он сам признался, произвели на него хорошее впечатление. В первых числах декабря 1939 г. газета «Правда» опубликовала

¹⁵ В. Василевская: *Думы и чувства*. «Правда» 1939, 10 ноября.

¹⁶ Т. Тэсс: *Ванда Василевская*. «Известия» 1940, 23 марта.

¹⁷ А. Авдеенко: *Ванда Василевская*. «Правда» 1940, 23 марта.

статью Ванды Василевской о своем пребывании на советской земле. Среди прочего Василевская включила в статью адресный пассаж, который, вероятно, побудил впоследствии Сталина познакомиться с писательницей:

Меня останавливает маленькая девочка. Катящийся шарик в меховой шубке:

— Вы из Западной Украины, тетя? Вы были в Москве?

Сияют круглые любопытные глаза. И вслед за тем:

— Видели вы товарища Сталина? Что сказал вам товарищ Сталин?

Нет. Я не была в Москве. Не видела товарища Сталина. Розовое личико туманится выражением разочарования¹⁸.

В последние мартовские дни или в первых числах апреля 1940 г. состоялась первая встреча Сталина и Василевской. Не вполне ясно, какую все-таки цель преследовал Сталин, форсируя диалог с Василевской. К сожалению, Василевская в своих воспоминаниях уклонилась от чрезмерной детализации своих первых встреч со Сталиным¹⁹. За несколько часов до отъезда из Москвы во Львов её по телефону пригласили навестить в Кремль. Там она была принята Сталиным и их встреча была приветливой и долгой. Неподдельный интерес Сталина к Василевской отражали не только продолжительность беседы, но и та терпеливость, с которой Сталин общался с человеком, владеющим всего несколькими русскими словами (даже спустя год Василевской было нелегко говорить по-русски и в её арсенале были лишь отдельные русские или украинские выражения). Обычно при знакомстве советский лидер стремился расположить человека к себе. Скорее всего, Василевская попала под обаяние диктатора. Первое впечатление во многом определило её поведение в будущем. Ни последующая личная трагедия, связанная с убийством мужа советскими спецслужбами²⁰, ни разочаровывающие факты произвола и косности советских чиновников не поколеблют веры Василевской в мудрость и человечность Сталина. Во время первой встречи Сталин сообщил Василевской, что она внешне похожа на

¹⁸ В. Василевская: *На Советской земле*. «Правда» 1939, 2 декабря.

¹⁹ *Wspomnienia Wandy Wasilewskiej*. «Archiwum Ruchu Robotniczego». Т. VII. Warszawa 1982.

²⁰ Во Львове Марьян Богатко и Василевская проживали в доме на Задвужанской улице. Весной 1940 г. Богатко застрелили на пороге квартиры, когда он вышел на звонок открыть дверь. Внешне убийство напоминало террористический акт. По официальной версии, он стал жертвой украинского националистического подполья. Годы спустя Н. Хрущев признался в мемуарах, что Богатко был случайно убит чекистами, которые должны были арестовать одного из обитателей дома, проживавшего этажом выше. По его распоряжению Александр Корнейчук рассказал Василевской о нелепой ошибке сотрудников НКВД, и Василевская якобы поверила такому объяснению (Н. С. Хрущев: *Мемуары «Вопросы истории»* 1994, № 4, с. 66–67). Сложно сказать, насколько сам Хрущев был посвящен в намерения спецслужб. Львовские власти организовали многолюдные похороны Богатко, а Василевской было предложено переехать в отдельный коттедж.

своего отца, с которым он виделся, когда тот приезжал в Советскую Россию в качестве министра иностранных дел Польши. «Ваш отец действовал против нас, а вот вы вместе с нами, с коммунистами. Диалектика» — сказал Сталин. Разумеется, в разговоре была затронута её литературная деятельность. С творчеством Василевской, как оказалось, Сталин познакомился благодаря Максиму Горькому. Действительно, Горький читал *Облик дня* и даже назвал эту повесть очень хорошей книгой²¹. Центральным пунктом беседы могло быть обсуждение польского вопроса. О взглядах и настроениях Василевской речь велась выше. Сопrotивление польского меньшинства советской власти она считала недопустимым, если не преступным. Позицию нейтралитета — бесплодной и опасной. Оставались лишь интеграция польского меньшинства в советское общество и безоговорочное сотрудничество с Москвой в перспективе на образование Польши, дружественной Советскому Союзу. Такое видение проблемы должно было импонировать Сталину. Кремлевский горец не скрыл от своей гостыи, что «рано или поздно будет война с немцами». Именно с этого момента советский диктатор берет своего рода шефство над Василевской, которая постепенно превращается в сталинского консультанта в польском вопросе.

Континентальная гегемония нацистской Германии, ставшая фактом в мае-июне 1940 г., ужесточение оккупационного режима в генерал-губернаторстве, а также бедственное положение в СССР многих поляков, лояльно относившихся к советскому режиму, поторопили Василевскую напомнить Кремлю об открытости польского вопроса. Бывшие активисты польской компартии, в первую очередь Альфред Лямпе и Марцели Новотко, подготовили для Ванды Василевской обстоятельный доклад, включавший имена репрессированных людей, чья невиновность не вызывала сомнений (поэт Владислав Броневский и другие). Будучи в Москве, 20 июня 1940 г. Василевская письмом напомнила о себе Сталину:

Дорогой
Иосиф Виссарионович.

Я приехала на несколько дней в Москву для разрешения нескольких волнующих меня политических вопросов. Для меня было-бы большим счастьем, если-бы Вы, при Вашей огромной загруженности, нашли несколько минут, чтобы дать мне по этим вопросам Ваши указания.

²¹ *Архив А. М. Горького*. Т. 10: *М. Горький и советская печать*. Кн. 1. Москва 1964, с. 318. Полный горьковский отзыв (письмо от 24 февраля 1936 г. к руководителю Государственного издательства художественной литературы Николаю Накорякову): «Очень хороша книга Ванды Василевской *Облик дня*. Но на с. 11 рассказано: “когда ребенок начинает ходить”, “засунет в угли под печку новую курточку, стащит с полки хлеб, забавляется спичками”. Мне кажется: ребенок оклеветан — только что начал ходить и уже достает хлеб с полки. И — зачем ему курточка, младенцу? И почему угли горят под печкой? Это, наверное, переводчикова клинопись, — вообще же книга хорошая» (*Архив А. М. Горького*..., с. 318.).

Преданная Вам
Ванда Василевская.
Тел. В. 1–61–66²².

Известно, что 29 июня 1940 г. Ванда Василевская была еще раз принята Сталиным в его кремлёвском кабинете. Вернувшись из Москвы, она кратко подвела итоги своего визита: «Обещали расследовать...». Сведения, исходившие от Василевской, заставили Сталина 3 июля 1940 г. направить шифротелеграмму секретарю Львовского обкома Льву Грищуку: «До ЦК ВКП(б) дошли сведения, что органы власти во Львове допускают перегибы в отношении польского населения, не оказывают помощи польским беженцам, стесняют польский язык, не принимают поляков на работу, ввиду чего поляки вынуждены выдавать себя за украинцев и тому подобное. Особенно неправильно ведут себя органы милиции». Предлагалось «незамедлительно ликвидировать [...] перегибы [в отношении поляков — стеснение польского языка, отказ в работе, неоказание помощи беженцам и др.] и принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися». Диктатор рекомендовал созвать небольшое совещание «из лучших польских людей, узнать у них о жалобах на перегибы, записать эти жалобы и потом учесть их при выработке мер улучшения отношений с поляками». Сталинское вмешательство получило резонанс. Прежде всего, активизировалось руководство Коминтерна, также повинное в нагнетании атмосферы недоверия к польским кадрам (в октябре 1939 г. Георгий Димитров направил в НКВД списки на 500 человек, подозревавшихся в «провокациях» в связи с деятельностью компартий Западной Украины и Западной Белоруссии). В конце июля Димитров информировал Григория Маленкова о том, что во Львове бывшим политзаключенным в массовом порядке отказывают в паспортизации, польских коммунистов и комсомольцев — несмотря на наличие справок Обкома МОПР, высылают вместе «с подозрительными, спекулянтами и всеми враждебными элементами» вглубь СССР, где они часто не могут получить работу. Сотни польских политзаключенных, выехавших в конце 1939 г. вместе с беженцами из Белостока в белорусские города, на Урал и Донбасс, работают не по специальности, находятся в исключительно тяжелых материальных условиях, подвержены заболеваниям. Как следствие, констатировал Димитров, «в последнее время усилилось их массовое бегство обратно в Западные области УССР и БССР». По следам доклада Василевской в западные области Украины и Белоруссии прибыли представители Исполкома Коминтерна, уполномоченные обустроить быт своих польских товарищей, а также отобрать часть из них для учебы в партийных школах Коминтерна. Чтобы пересмотр негативного курса по отношению к польским кадрам не

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 73.

выродился, как это часто происходило в Советском Союзе, в очередную бюрократическую кампанию потребовались новые административные импульсы, в том числе на республиканском уровне. 2 ноября 1940 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление *О фактах неправильного отношения к бывшим членам КП Польши*, в котором указывалось на огульное недоверие к бывшим польским коммунистам во Львове и в других городах западных областей Украины, на безосновательный отказ им в работе и слабое привлечение к общественной деятельности. Львовский обком обязывался до конца ликвидировать указанные недостатки, не прекращая решительно разоблачать провокаторские элементы. Последняя задача выдавала инертность украинского руководства, которое, по признанию Хрущева, привычно смотрело на вчерашних польских революционеров, как на неразоблаченных врагов. Вплоть до нападения Германии на СССР Василевской приходилось сдерживать вал украинизации.

В 1939 году после прихода Советской Армии на Западную Украину [я] был переведён во Львов, — вспоминал позже почётный академик Академии педагогических наук Евгений Березняк²³, — где возглавил сначала районный, а затем городской отделы народного образования. В городе было более ста школ, из них около восьмидесяти — польских. Перед нами была поставлена задача увеличить число обучающихся на украинском языке. Может быть, я подошел к этому с чрезмерным рвением. Но через год количество польских школ значительно уменьшилось. Скрывшаяся во Львове от фашистов польская писательница Ванда Василевская направила Сталину письмо о нарушении прав польских детей в школах. К нам прибыла большая комиссия. И, наконец, пришлось бы мне туго, но именно в те дни началась война²⁴.

Актуализация польского вопроса и контакты с Вандой Василевской упрочили Сталина во мнении о компетентности, деловитости и преданности польской писательницы. С каким-то лишь ему понятным расчетом Сталин решает поощрить Василевскую. Прослеживается также сталинский умысел сделать её более авторитетной и значимой фигурой. 3 сентября 1940 г. Сталин предложил Петру Чагину щедро переиздать сочинения Ванды Василевской, которую, если верить эмигрантке Лидии Норд, диктатор в беседе назвал «одной из талантливейших писательниц нашей эпохи»²⁵. Издательство «Художественная литература» оперативно сосредоточилось на выпуске основных книг Василевской. Роман *Земля в ярме* был сдан в набор 7 сентября и подписана к печати 14 сентября. *Родина* попала в набор 9 сентября и была подписана к печати уже 16 сентября. Похожая картина с выходными данными

²³ В 1944 г. советский разведчик Е. С. Березняк вместе с польскими патриотами предотвратил разрушение Кракова.

²⁴ А. Поляков: *Майор из легенды*. «Красная звезда» 2004, 25 февраля.

²⁵ Л. Норд: *М. А. Шолохов*. «Дон» 1995, № 5–6, с. 82.

наблюдалась с *Обликом дня* и *Пламенем на болотах*. Общий тираж четырех книг, опубликованных «Художественной литературой» в течение сентября–октября 1940 г., составил 250 000 экземпляров, что, кстати, не было рекордом для Василевской (книга *Земля в ярме* была перепечатана «Роман-газетой» трёхсоттысячным тиражом). Вскоре, 9 сентября 1940 г. Сталин намеренно заговорил о Василевской перед творческими работниками и пропагандистами на совещании, посвященном обсуждению кинофильма *Закон жизни*:

Я не знаю, настоящий ли художник или нет, но я знаю, что она правдиво, честно пишет. Я ее три произведения читал. *Облик дня* — там жизнь рабочего изображена правдиво, честно, потом *Родина*, там изображена жизнь батрака, работающего в кабале у помещика, замечательно хорошо, просто передана. *Земля в ярме* — там изображена жизнь крестьянина — хозяина-бедняка, середняка и батрака. Замечательно хорошо передана. О ней почему-то молчат. Она не иностранка, она член Верховного Совета, депутат, гражданка Советского Союза, а ее печатают до сих пор в «Иностранной литературе». Почему нашу гражданку не отмечают. [...] Я говорю, что это незаурядный талант, по-моему, она очень хорошо пишет²⁶.

После такой похвалы в Советском Союзе развернулась интенсивная, скорее даже *беспрецедентная* кампания по инаугурации Василевской в литературные классики. Самыми первыми откликнулись «Известия». Под видом рецензии на роман *Пламя на болотах* Татьяна Тэсс озвучила сталинское недовольство тем, что советскую гражданку Василевскую печатают в «Иностранной литературе». Предваряя сообщение о переиздании основных произведений Василевской, Тэсс фальшиво негодовала: «По невнимательности и неуважению к читателю ее книги выпускали такими маленькими тиражами, что они становились библиографической редкостью»²⁷. Тем временем редколлегия «Правды» была озабочена подготовкой общедоступного материала для союзных газет. Задание было поручено литературному критику Марку Живову, который специализировался на польской литературе. Еще 1935 г. Живов откликнулся на книгу Василевской *Облик дня*, которую отнес к ярким и значительным произведениям польской литературы. Незадолго до польской кампании Живов успел оценить Василевскую как «талантливую писательницу, с подлинным реализмом, с волнующей правдивостью ведущую летопись многострадальной

²⁶ В. А. Неvezжин: *Фильм «Закон жизни» и отлучение Авдеенко: версия историка*. «Киноведческие записки» 1993/94, № 20, с. 110. Диктатор с запозданием осудил публикацию перевода романа *Пламя на болотах* в журнале «Иностранная литература», предназначенном для зарубежных авторов («Интернациональная литература» 1940, № 5–6.). На деле, Василевская только выиграла. По словам многолетнего сотрудника редакции журнала Т. Мотылевой, «Интернациональная литература» находилась на обочине управляемой культуры и у журнала была стойкая интеллигентная аудитория (Т. Л. Мотылева. *Из воспоминаний*. «Иностранная литература» 1994, № 9, с. 277, 278.).

²⁷ Т. Тэсс: *Слова правды и гнева*. «Известия» 1940, 11 сентября.

жизни польских трудящихся масс»²⁸. Как только имя Василевской стало популярным в номенклатурных кругах, Живов отказался от тезиса о *регрессивном* развитии польской художественной литературы в межвоенный период²⁹, и из-под пера критика появляется апологетическая статья *Талант и мужество. Творческий путь Ванды Василевской*³⁰. Литературоведческими работами Живова Ванда Василевская признавалась претенденткой на литературный Олимп интернационального масштаба.

Итак, в сентябре 1940 г. именно Живовым была подготовлена статья *Ванда Василевская*. В машинописной рукописи статьи Живов задавался риторическим вопросом, на который тут же благоразумно отвечал: «Как это случилось, что из всех писателей, которых выдвинула Польша за двадцать два года своего самостоятельного существования, в стране Советов знали и любили только Ванду Василевскую?»³¹. По словам Живова, только в Ванде Василевской советский читатель почувствовал близкого ему художника³². Уже 12 сентября 1940 г. издательство «Правда» включила статью Живова в специальный «Бюллетень №159 для областных и городских газет» (отпечатан 14 сентября 1940 г. тиражом 400 экземпляров)³³. Рекомендуемый «Правдой» материал был перепечатан в течение сентября-октября многочисленными областными и городскими газетами (особого внимания также заслуживает статья Живова в журнале «Спутник агитатора»³⁴, чьи материалы в обязательном порядке использовались агитаторами и пропагандистами на местах).

Сигнальные публикации «Известий» и «Правды» вызвали целое половодье статей, воспевавших Василевскую³⁵. В дружном хоре славословящих можно было заметить опального писателя Андрея Платонова, который под псевдонимами Ф. Человеков, А. Фирсов публиковал литературные рецензии. К творчеству Василевской Платонов обратился, как думается, в силу жизненных обстоятельств. Посредством своих литературоведческих работ, иногда явно сервильных и малооригинальных, он «выкупал» у ре-

²⁸ М. Живов: *Город и деревня в современной Польше*. «Книга и пролетарская революция» 1939, № 2, с. 131.

²⁹ М. Живов: *Литература мрачного двадцатилетия. Заметки о польской литературе*. «Книга и пролетарская революция» 1939, № 10, с. 165.

³⁰ М. Живов: *Талант и мужество. Творческий путь Ванды Василевской*. «Интернациональная литература» 1939, № 12, с. 214.

³¹ РГАЛИ. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 37. Л. 48.

³² РГАЛИ. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 37. Л. 48.

³³ М. Живов: *Ванда Василевская*. «Пресс-бюро. Бюллетень № 159 для областных и городских газет» 1940, 13 сентября.

³⁴ М. Живов: *Летопись страданий и борьбы*. «Спутник агитатора» 1940, № 18.

³⁵ *Ванда Василевская. Указатель литературы*. Сост. А. Л. Фарбер. Москва 1940; Н. Мацуев: *Советская художественная литература и критика 1938–1948. Библиография*. Москва 1952; Н. Мацуев: *Художественная литература русская и переводная 1938–1953 гг. Библиография*. Т. 1. Москва 1956.

жима сына, арестованного в пятнадцатилетнем возрасте в мае 1938 г. Суэта вокруг Василевской, обласканной властью, позволяла громко подтвердить правоту той самой власти. В новой статье, опубликованной в «Литературном обозрении», присутствовал фрагмент, который выдавал трагизм мироощущения самого Платонова, его близость к отчаянию. Разбирая сцены гибели персонажей *Облика дня* и *Пламени на болотах*, он вдруг соглашался с мыслью о том, что: «[...] смерть есть только крайний, последний способ самозащиты жизни от нестерпимой муки [...]». На словах Платонов обнаружил у Василевской недюжинные литературные способности, однако, свойства её литературного творчества он всё-таки выводил из общественной позиции польской писательницы, которая выполняла миссию «помощи обездоленным и побежденным, ради их победы». Вместо того, чтобы говорить о художественных достоинствах её прозы и конкретизировать эти достоинства, Платонов повторил неоднократно высказанную советскими рецензентами мысль о том, что книги Василевской приобрели столь большое значение благодаря тому, что «писатель сумел безошибочно предсказать движение действительности в будущее, и не вообще в будущее, а в будущее с именем — в социалистическое будущее, единственно возможное и желаемое народом»³⁶. Политическая пристрастность, таким образом, доминировала над эстетическими критериями.

Неожиданно превратившись в сентябре 1940 г. в объект всеобщего интереса и ухаживания, Василевская надолго задерживается в Москве. Представители журналов «Красная новь», «Новый мир», «Костер», а также других изданий на перегонки пытаются получить от Василевской еще неопубликованные рукописи или, на крайний случай, заручиться обещанием на право первой публикации её будущих произведений. Василевскую осаждают журналисты и кинооператоры. Именно в те дни был создан самый изящный портрет польской писательницы, в котором ум, характер и женственность Ванды Василевской были гармонично соединены мастерством тогда еще малоизвестного фоторепортера Дмитрия Бальтерманца. Кульминацией кампании стал литературный вечер Ванды Василевской в Политехническом музее, состоявшийся 3 октября 1940 г. Ему предшествовала своеобразная репетиция — встреча писательницы со своими московскими почитателями, чьи львовские коллеги преждевременно сделали Василевскую вдовой, — встреча прошла в клубе НКВД имени Дзержинского. Вечер в Политехническом музее организаторы провели как отчётное мероприятие, солидно и со вкусом. Первым слово взял, как было принято, один из руководителей Союза советских писателей Александр Фадеев. За трибуной его сменил Давид Заславский. Кремлёвские вожди и редколлегия газеты «Правда»

³⁶ Ф. Человеков: *Ванда Василевская*. «Литературное обозрение» 1940, № 21, с. 11, 15.

доверяли ему выступать по наиболее ответственным вопросам. О содержании доклада Заславского можно судить по статье *Творческий путь Ванды Василевской*, опубликованной в журнале «Большевик»³⁷. Именно Заславский поставил собравшуюся публику, прежде всего, писателей, перед официально утвержденным мнением: «Ванда Василевская по праву занимает одно из первых мест в советской литературе». На следующий день самые авторитетные советские газеты «Правда» и «Известия» поместили одинаковые, причём, анонимные сообщения о состоявшемся вечере Василевской в Политехническом музее³⁸. Обычно так поступали в случае, когда материал исходил от правительственных кругов. Отныне к мнению Василевской следовало прислушиваться, равняться на её художественный уровень и, естественно, почитать за первую литературную величину. Такая субординация распространялась на каждого, особенно на тех, кто проводил в жизнь официальные установки. Например, член ЦК ВКП (б) Емельян Ярославский приветствовал Василевскую, посетившую 14 октября редакцию «Правды», именно как выдающуюся советскую писательницу. Появление в феврале 1941 г. брошюры Елены Усиевич³⁹ о Ванде Василевской, выпущенной солидным *стотысячным* тиражом, можно расценивать как заключительные аккорды канонизации Василевской. Критик пространно повторила в книжке все ранее сделанные оценки ради единственного вывода:

Советская литература получила в лице Ванды Василевской прекрасный талант. Её жизнь и творчество могут служить образцом, как должен жить, работать и творить писатель, который хочет, чтобы его произведения были достойны народа и остались жить в народе⁴⁰.

Очередная встреча Василевской со Сталиным 8 октября 1940 г. предварит постановление Политбюро ЦК ВКП(б) *О проведении вечера, посвященного 85-летию со дня смерти Адама Мицкевича*. Обращение к памяти великого польского поэта, чье имя символизировало стремление поляков к независимости, менее всего представляло собой манифестирование идеи польской государственности, однако указывало на растущее внимание советского руководства к польскому вопросу. Вместе с известным филологом Тадеушем Бой-Желеньским Василевская вошла в состав комитета чествования памяти Адама Мицкевича. Параллельно ноябрьским торжествам советское

³⁷ Д. Заславский: *Творческий путь Ванды Василевской*. «Большевик» 1940, № 18–19.

³⁸ *Выдающаяся советская писательница*. «Правда» 1940, 4 октября; «Известия» 1940, 4 октября.

³⁹ Подробнее об Елене Усиевич см.: В. А. Токарев: *Польский вопрос в ответах московских поляков. 1939 год*. «Проблемы истории, филологии, культуры». Вып. XVI/2. Москва–Магнитогорск–Новосибирск 2006.

⁴⁰ Е. Усиевич: *Ванда Василевская*. Москва 1941, с. 64.

руководство санкционирует открытие журнала на польском языке «Новые горизонты» (Львов), что также можно рассматривать, как попытку Василевской приблизить москвичей к нуждам лояльного польского меньшинства. В состав редакции журнала будут введены Елена Усиевич и Феликс Кон. Активизация московских поляков по времени совпала с формализованными мероприятиями по ослаблению антипольского прессинга со стороны местных властей, что позволило, например, коменданту Союза Вооруженной Борьбы на советской территории Леону Окулицкому предположить, что Усиевич приехала из Москвы во Львов с задачей привлечь через Василевскую и других львовских интеллектуалов польское население к сотрудничеству и даже к выражению недовольства украинизацией, проводимой советским Киевом⁴¹.

Как полагал Сталин, Ванда Василевская получила достаточный общественный вес, чтобы быть допущенной к большой политике (в декабре к своему депутатскому удостоверению она добавила партбилет). Советское руководство рассматривало возможность формирования из числа польских военнопленных полнокровной дивизии, для того чтобы использовать ее в случае столкновения Советского Союза с нацистской Германией. Подбором кадров занималось НКВД. В настоящий план была посвящена и Ванда Василевская, которая в начале ноября 1940 г. вновь прибыла в Москву и немедленно сообщила о себе Сталину:

Дорогой

Иосиф Виссарионович!

Пользуясь данным Вами мне разрешением, обращаюсь к Вам еще раз с просьбой уделить мне несколько минут разговора.

Мне очень больно злоупотреблять вашим вниманием и временем, но у меня есть ряд вопросов, которые без Вашей помощи я не смогу разрешить.

Мне не приходится говорить Вам как я буду ждать этого свидания.

Преданная

Ванда Василевская.

Телефон: В-1-61-66⁴².

Ноябрьский визит писательницы к Сталину был сопряжен с обсуждением возможности формирования на территории СССР польских добровольческих частей. Ровно год спустя Сталин в беседе с польским послом в СССР С. Котом вспоминал, что он просил Василевскую подобрать польских офицеров для командного состава польской армии и, по словам советского лидера, она не нашла таких офицеров». С учетом катынской расправы над польскими

⁴¹ *Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941* г.г. Т. 1. Варшава–Москва 2001, с. 474.

⁴² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 74.

пленными, пришедшейся на весну 1940 г., такое поручение Василевская при всем своём энтузиазме и старательности выполнить не могла.

Таким образом, с осени 1939 г. малоизвестная польская писательница Ванда Василевская, имевшая статус «попутчицы», превратилась в течение следующего года в «выдающегося советского писателя». Интерес Сталина к Василевской был продиктован тем, что польский вопрос все более вписывался в повестку стратегического планирования советского правительства, и в Кремле нуждались в свежих конструктивных идеях. По существу за Василевской закрепился статус сталинского полпреда среди поляков, которым она постарается разумно распорядиться. Инициативы Василевской по ограничению режима дискриминации польского меньшинства, вернее, его лояльной части в западных областях, постановка проблемы польских кадров и позиционирование оптимистических для каждого поляка символов имели перспективный характер. Разумеется, контакты Василевской со Сталиным, который вдруг проникся к ней доверием, не могли коренным образом повлиять на отношение советских властей к польскому меньшинству. Определяющим фактором оставалась многолетняя практика сталинизма, ориентированная на подавление всякого сопротивления и инакомыслия полицейскими средствами.

Wasilij Tokariew

STALIN I WANDA WASILEWSKA: DIALOG LIMITOWANY (1940)

Streszczenie

W latach 1939–1940 mało znana polska pisarka Wanda Wasilewska, która przyjęła radzieckie obywatelstwo, została kanonizowana na „wybitnego pisarza radzieckiego”. Zainteresowanie Stalina Wasilewską było podyktowane tym, że tzw. polski problem coraz bardziej zajmował uwagę rządu radzieckiego w sferze planowania strategicznego. W Kremlu poszukiwano w tym zakresie nowych konstruktywnych pomysłów. Inicjatywa Wasilewskiej związana z ograniczeniem dyskryminacji mniejszości polskiej (a dokładniej — lojalnej wobec ZSRR części Polaków w Zachodniej Ukrainie), postawienie problemu polskich kadr oraz wydobywanie optymistycznych dla Polaków symboli, miała dla władz radzieckich bardzo perspektywiczny charakter. Jest jednak oczywiste, że kontakty Wasilewskiej ze Stalinem, które nagle obdarzył ją zaufaniem, nie mogły istotnie wpłynąć na stosunek władz lokalnych do polskiej mniejszości.

Vasily Tokarev

STALIN AND WANDA WASILEWSKA: CONTROLLED DIALOGUE (1940)

Summary

In 1939–1940, Wanda Wasilewska, a relatively unknown Polish writer who accepted Soviet citizenship has been crowned as a ‘prodigy Soviet writer’. Stalin’s interest in Wasilewska was motivated by the fact the the so-called Polish problem gradually came to occupy more attention of the Soviet government in terms of strategic planning. The Kremlin was out to find new, constructive ideas in this area. Wasilewska’s initiative aimed at limiting the discrimination of the Polish minority (or more precisely: the part of Western-Ukrainian Poles who were loyal to the USSR), raising the problem of the Polish establishment and the uncovering of symbols that were optimistic for the Poles, were all auspicious decisions for the Soviet government. Nevertheless, it is clear that Wasilewska’s contacts with Stalin — who suddenly accorded her with trust — could not significantly influence the attitude of the local authorities towards the Polish minority.